

М.В. Бибииков, Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин

РАННИЕ ЭТАПЫ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Начало IX в. ознаменовалось первыми контактами Скандинавии и Византии через Восточную Европу. Археологические материалы и письменные источники скупо, но в своей совокупности убедительно свидетельствуют об этом. С рубежа VIII–IX вв. в Скандинавии меняются пути поступления византийского импорта, его состав и характер. Ранее византийские золотые монеты (солиды), до 900 экземпляров которых найдено на севере Европы, украшения, предметы роскоши концентрировались в Западной Скандинавии, в первую очередь в Дании. Они проникали по центрально-европейским сухопутным путям. В IX–XI вв. основная масса византийского импорта сосредоточена в Восточной Скандинавии: на о-ве Готланд и в Восточной Швеции (например, 500 из 600 находок византийских монет). Появляются здесь и серебряные византийские милиарисии, древнейшие из которых чеканены в правление императора Феофила (829–842). Их отдельные находки известны и на территории Руси, в том числе на Гнездовском поселении. Византийские монеты представлены по преимуществу единичными экземплярами в погребальных комплексах, нередко с вещами восточноевропейского происхождения, и – это особенно показательно – в составе кладов арабских куфических монет, что указывает на их путь через Восточную Европу.

Чрезвычайный интерес представляет для исследователей клад арабского серебра начала IX в., найденный перед второй мировой войной в Петергофе¹. По составу он типичен для восточноскандинавских кладов куфических монет этого времени. Главная ценность клада – это граффити, нанесенные на 20 из сохранившихся 80 монет. Языковая принадлежность граффити отражает, очевидно, основные этапы формирования и движения клада. Это арабские надписи (ли-ллахи – “Хвала Аллаху” и др.); знаки, интерпретируемые А.В. Фоминым как хазарские руны; скандинавские рунические надписи (одна из них читается как *gildr* – “полновесный, полноценный”); наконец, греческое граффито с именем собственным *Захарас*.

Конечно, количество византийского импорта IX в. мало, если сравнить его, например, с тысячами арабских монет того же времени из кладов Готланда и Средней Швеции, да и с самим византийским импортом более позднего времени. Тем не менее, само его появление и характер, видимо, свидетельствуют о возникновении первых прямых контактов обоих миров.

Эти археологические свидетельства одновременно первым упоминаниям народа “*Рѡс*” в письменных источниках, византийских, арабских и западноевропейских (Бертинские анналы). Стремление некоторых исследователей интерпретировать название *рос* в памятниках первой половины IX в. в качестве обозначения восточных славян, населявших Среднее Поднепровье, как представляется, противоречит данным источников, в первую очередь соотносению в них наименований *рос* и славян или конкретных восточнославянских этнонимов. Во-первых, ни в одном византийском источнике IX – середины X в. не содержится отождествления *росов* и славян. Напротив, эти наименования употребляются отдельно друг от друга, в ряду прочих этнонимов. Продолжатель Хроники Феофана перечисляет состав войска, в котором

¹ Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 26–47.

между армянами и фракийцами помещаются “рос” и славяне². Во-вторых, в тех, не слишком частых, случаях, когда автор определяет этническую принадлежность *росов*, они рассматриваются как “франки”, т.е. выходцы из Западной Европы: “росы, приходящие из рода франков”. Таково определение их этнической принадлежности в хрониках Псевдо-Симеона, Георгия Амартола по Ватиканскому списку, Продолжателя Феофана³. В-третьих, при перечислениях этнических групп в Восточной Европе или их описаниях восточные славяне и *росы* последовательно разделяются и даже противопоставляются. Это особенно отчетливо прослеживается в трактате “Об управлении империей” Константина Багрянородного, который, не давая эксплицитной этнической характеристики *росов*, четко отделяет их от славян (кривичей, дреговичей и др.) как по социальному признаку, так и по языковому⁴, что в терминах средневековой историографии соответствует этническому.

Косвенные свидетельства того, что византийцы под росами понимали скандинавов, находят прямое подтверждение в многократно обсуждавшемся пассаже Бертинских анналов под 839 г., где сообщается, что пришедшие от Феофила к Людовику Благочестивому росы оказались при ближайшем рассмотрении “от рода свеонов”. Таковым было понимание этих этнонимов и самими славянскими переводчиками византийских хроник, которые в пассаже “рос... из франков” заменяли этноним *франки* на *варяги*⁵, под которыми древнерусские авторы подразумевали скандинавов⁶.

Устойчивое отождествление в византийских источниках X в. *росов* со скандинавами, как кажется, с очевидностью объясняет и саму форму их названия – с корневым *o*, если согласиться с тем, что самоназванием скандинавских отрядов, проникавших в Восточную Европу, был композит с первой основной *gōrs-* и от др.-сканд. глагола *gōa* – “грести”, типа *gōrsmenn*, *gōrskarlar*. Нет смысла сейчас останавливаться ни на лингвистической, хорошо известной по работам Томсена и Экбу, ни на археологической и исторической аргументации этого⁷. Обратимся непосредственно к вопросу о возникновении названия *рос* в византийских источниках IX в.

До последнего времени в представлениях о механизме этнической номинации (особенно формирования иноназваний – экзонимов) господствовало мнение, что экзонимы являются по происхождению этниконами, т.е. наименованиями этнических общностей. И это заставляло исследователей, независимо от их отношения к варяжскому вопросу, производить византийское *рос* из восточнославянского *русь*, понимаемого как обозначение одного из восточнославянских или скандинавских племен. Это, естественно, требовало объяснения перехода корневого [u] в [o], что достигалось непростыми построениями: хазарским или кочевническим посредством в передаче наименования, его проникновением через диалекты греческого языка⁸, влиянием имени “князя *Рос*” Септуагинты из *рош* (т.е. глава) книги пророка Иезекииля⁹.

Думается, что объяснение византийской формы *рос* несравненно проще и прямо

² Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 481.6; Ср.: Продолжатель Феофана. СПб., 1992. С. 198.

³ Истрик В.М. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе. (Книги временныя и образныя Георгия Мниха). Пг., 1922. Т. 2. С. 60. 26–27; Theophanes Continuatus... P. 707.3, 6–7; 746. 12–14; 423. 15–17; Продолжатель Феофана. С. 175.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Изд. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1991. С. 44. 9–10; 46. 25 и др.; 50. 106–109.

⁵ Истрик В.М. Хроника Георгия Амартола... С. 567.

⁶ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия *варяг* // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

⁷ См. подробное изложение этой аргументации в кн.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 293–307.

⁸ Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953. P. 84; Ekblom R. Rus-et varegg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod // Archives des Etudes Orientales. Stockholm, 1915. T. IX. P. 8; Hatzidakis G.H. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892/3. S. 348 ff.

⁹ Флоровский А.В. “Князь Рош” у пророка Иезекииля (гл. 38–39). (Из заметок об имени Русь) // Сборник в чест на Васил Златарски. София, 1925. С. 505–520; Сюжков М.Я. К вопросу о происхождении слов ‘Рос’, ‘Роша’, ‘Россия’ // ВДИ. 1940. № 2. С. 121–123.

вытекает из исторических условий, в которых появилось это название. Контекст древнейших упоминаний народа *рос* – в Житии Георгия Амастридского¹⁰, лемме одной из гомилий и энциклике Фотия¹¹, в житии патриарха Игнатия¹² – один и тот же: он связан с нападениями отрядов “северных варваров” – росов на Амастриду или Константинополь и окрестности. Эти упоминания – непосредственные отклики на прямые контакты с росами, в ходе которых византийцы могли (и наверняка стремились) выяснить, как называют себя нападающие, откуда они пришли и т.п. Идентичность формы наименования во всех случаях и уверенное отнесение росов к северным варварам указывают, что хотя бы минимальная информация о них действительно была получена. Об этом же свидетельствует и сама возможность, использованная у Фотием, сопоставления их с народом Рос Гога и Магога¹³, поскольку это сопоставление основывалось на звуковом тождестве названий и локализации росов в Восточной Европе, а не каком-либо ином регионе.

Исконность и вероятная заимствованность именно формы *рос* непосредственно от скандинавов как транскрипции их самоназвания подтверждается Бретинскими аналами. Это единственный западноевропейский источник, где встречается та же огласовка корневого гласного, что и в византийских источниках IX–X вв., а не обычное для латино- и немецкоязычных текстов [u]. Нетипичность этой формы обычно объясняется византийским влиянием, но о нем вряд ли можно говорить: автор записи 839 г. недвусмысленно пишет, что прибывшие ко двору “сказали, что они называют себя, т.е. свой род, *рос* (Rhos)”: в анналах отражено наименование, услышанное из уст пришельцев, а не византийцев. При этом можно предположить, что название *рос* было впервые услышано в Ингельхейме при франкском дворе, где в начале IX в. прекрасно знали скандинавов. Со времен Карла Великого многочисленные военные, дипломатические и торговые контакты связывают Империю с Данией; в 811 г. заключается первый известный нам договор с правителем Хедебю Хеммингом; в 826 г. тот же Людовик Благочестивый принимает при своем дворе и крестит претендента на датский трон Харальда Клака вместе с 400 датчанами; набеги же викингов на территорию Империи повторяются из года в год. Видимо, сообщенное пришельцами название *рос* вызвало подозрения Людовика и дальнейшее расследование именно потому, что было незнакомо, тогда как их принадлежность к скандинавам – возможно, по языку, на котором они говорили, – была достаточно очевидной. Отметим также, что в отличие от знакомого этнонима *свеоны*, употребленного автором в соответствующем морфологическом оформлении (*ejus gentes esse Sveonum*), наименование Rhos приводится *per expressum*, без попыток его языковой адаптации, что также может указывать на его новизну для автора записки.

Таким образом, рассмотренные источники свидетельствуют о вероятности прямого, без каких-либо промежуточных звеньев, заимствования самозвания скандинавских отрядов в той форме, в которой оно существовало в древнескандинавском языке: с долгим корневым *o*.

Но не только огласовка наименования говорит об этом. Это же вытекает и из его значения и употребления в византийских источниках до второй половины X в. Композит с *görs-*, терминологичный в древнескандинавском языке и являющийся профессиональным самоназванием участников походов на гребных судах, а также и обозначением самого подхода (аналогично значение и слова *viking* – “военный по-

¹⁰ Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1915. Т. 3. С. 64. 3–4

¹¹ Photii Epistulae / Ed. B. Laourdas, L. Westerink. Lipsiae, 1983. Vol. 1. P. 50. № 2.296; Laourdas B.S. Φωτῖου Ἐπιστολαί // Thessalonike, 1959. P. 291. Tit.; 40 Tit.

¹² PG. T. 105. Col. 516 CD.

¹³ Photii Epistulae. P. 50. № 2.294–295. Ср. прямое отождествление народа Рос с Русью в Житии Василия Нового (Веселовский А. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. 1889. № 26. С. 88–89): “Варварский народ, называемый Рос и Ог и Мог, придет сюда на нас свирепо”. Ср. также: Leonis Diaconi Calocensis historiae libri decem. Bonnae, 1828. P. 150. 15–19.

ход” и “участник такого похода”)¹⁴, попадая в иноэтническую среду, приобретал этносоциальное значение, которое в дальнейшем, в зависимости от исторических условий его функционирования, развивалось тем или иным способом. Так, в прибалтийско-финской среде они превратились в чистый этноним и хороним (совр. Ruotsi, эст. Rootsi, Швеция). В восточнославянской среде – через дальнейшую терминологизацию (обозначение скандинавской, затем полиэтнической великокняжеской дружины) – оно приобрело новое географическое и этническое содержание (“русский” как собирательное обозначение всех восточнославянских территорий и народов, подвластных русским князьям).

Если наименование *рос* было действительно заимствовано византийцами непосредственно у скандинавов, то оно должно было приобрести этносоциальное значение хотя бы на ранних этапах его употребления. И на самом деле, источники подтверждают двойственность его содержания. С одной стороны, не вызывает сомнения, что оно употреблялось в качестве этнонима: достаточно вспомнить уже упомянутые сообщения Фотия, хроник Георгия Амартола, Псевдо-Симеона и др. С другой стороны, в значительном количестве случаев этническое значение слова восстанавливается чисто дедуктивно (в соответствии с представлениями исследователя), тогда как в тексте на первый план выступает именно социальное его содержание. Таково в первую очередь употребление названия *рос* Константином Багрянородным в 9-й главе “Об управлении империей”, где он обозначает княжескую дружину в Киеве говорящей на скандинавском (росском) языке¹⁵. Однако к середине X в., судя и по археологическим данным, и по сведениям письменных источников, дружина не была этнически однородной, а “росский”, т.е. по определению Константина, скандинавский язык отнюдь не был общепотребительным (единственным) даже в княжеском окружении, о чем говорит княжеский ономастикон. Но и слово *русь* к этому времени уже приобрело новое содержание.

В сообщении Бертинских анналов обычная интерпретация названия *рос* как этнонима вызывает большие сомнения: свеонам, т.е. жителям Средней Швеции, не было нужды стремиться скрыть свою этническую принадлежность, как традиционно объясняется, от франков, потому что в отличие от данов они не имели военных столкновений с Франкской империей – их экспансия была направлена на восток. Вероятнее, что они назывались (досл. “сказали, что называют себя” – *se... vocari dicebant*) привычным для них наименованием *görsmenn*.

Вероятно, косвенным отражением исконного социального значения слова как военно-профессионального термина можно объяснить его употребление в значении, соответствующем профессиональному в византийских военных и морских трактатах X в. “Рос” – здесь обозначает воинский контингент наряду с лучниками, малартями, пехотинцами и всадниками: “Император должен иметь при себе столько лучников, сколько сочтет нужным; также пусть возьмет рос и малартиев”¹⁶. “За ними идет пехота, которая сопровождает императора, т.е. рос, малартии и лучники”¹⁷; “Император должен взять некоторое количество пехотинцев, копьеметателей и лучников и некоторое количество тяжеловооруженных воинов, у которых кони лучше, а также конницу рос”¹⁸; “Пешее войско должно находиться за всеми (отрядами кавалерии, тогда как конники продвигаются вперед вместе с рос”¹⁹. В этих трактатах, в отличие от более поздних сообщений, где росы являются одной из частей войска, организованного по этносоциальному принципу, наименование относится к определенному типу войска.

¹⁴ Характерно различие “викингов” – участников походов на морских парусных судах, и гребцов “росов”, которые должны были передвигаться по рекам Восточной Европы на всслах.

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 319 и сл.

¹⁶ Three Byzantine Military Treaties / Ed. G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 280. 36–37.

¹⁷ Ibid. P. 294. 34–35.

¹⁸ Ibid. P. 312. 11–13.

¹⁹ Ibid. P. 312. 18–19.

В этом контексте над отметить понимание славянским переводчиком термина “дромиты”, относимого к “росам” в хрониках Псевдо-Симеона и Продолжателя Феофана²⁰, термина, представляющего собой гапакс и потому сложного для толкования. Греческая парэтимология термина объясняет его происхождение тем, что “росы быстро бегают”, т.е. связывает его с корнем дроц- (весь пассаж у Псевдо-Симеона построен на метафорической игре слова с корнями дроц-/бpacц-. Славянский же переводчик этого текста, видимо, осмыслил термин как производное от обозначения гребного судна – дромон – и дал пояснение: “Роусь – иже скеди глаголем, от рода валяжска соущим”.

Таким образом, и фонетическая форма наименования *рос*, и его значение в источниках IX – середины X в. дают основания полагать, что оно попало в греческий язык (как и к автору Бертинских анналов) непосредственно от скандинавов. Как кажется, к явлению автономии следует отнести и более позднюю, зафиксированную в середине X в. форму наименования с корневым [u] роѡсѡи, засвидетельствованную Лиутпрандом в латинизированной форме *Rusios*, причем Лиутпранд воспроизводит название народа по наименованию, наемного корпуса в Византии, наименованию, которое могло отражать уже древнерусский вариант с корневым [u]. К славянскому же имени Руси следует возводить и этноним с корневой огласовкой [u] – *rou*, известный в византийской традиции по аутентичным подписям и именованным записям в афонских актах – Русского монастыря (с XII в. – св. Пантелеимона), Ксиропотамского, Дохиарского и Эсфигменского монастырей²¹, а также по упоминанию одного из актов южноитальянского мессинского монастыря²². От этой формы этника на образывались и регулярные формы прилагательных, употребительные также в актах Русского монастыря на Афоне²³. Учитывая контекст употребления этих имен, данное явление можно оценить как отражение случаев автономии.

²⁰ Theophanes Continuatus... P. 423. 14–17; 707. 3–7; 746. 12–13.

²¹ Lemerle P., Dagron G., Ćircovič S. Actes de Saint-Pantéléèmon. P., 1982. P. 83. № 8.10, 16–17; P. 85. № 8 (A). 71, 76; P. 91. № 9.4; Bompaire J. Actes de Xéropotamou. P., 1964. P. 64. № 6.69; P. 82. № 9.61; P. 86. № 9.88; Actes de Docheiariou. P., 1984. P. 100. № 7.44; Lefort J. Actes d'Esphigménou. P., 1973. P. 12.168.

²² Guillou A. Atti antichi del monastero di Santa Maria de Messina: Les actes grecs (1076–1306). Palermo, 1963. P. 65. № 5.12.

²³ Lemerle P., Dagron G., Ćircovič S. Actes de Saint-Panté èmon. P. 74. № 7. 12, 19, 19–20, 25, 28; P. 75. № 7.33.